

О.А.Лавренова, В.Ю.Музычук, А.В.Стеценко

(Статья опубликована в сборнике *Защитим имя и наследие Рерихов.* – М.: МЦР, 2005. – Т. 3. – С. 830 – 861.)

АВТОПОРТРЕТ В СЕРЫХ ТОНАХ

Размышления по поводу новой книги В.А.Росова

Журнал «Культура и время», №4, 2002 г.

Соображения о том, что злоумышленники могут изобретать какие-то наветы политического характера, не имеют под собой почвы. Конечно, выдумывать может всякий, но факты нашей широкой культурной деятельности настолько уже исторически неопровержимы, что нелепо даже представить себе такие поползновения.

Е.И.Рерих. Письма

В июле 2002 года на книжных развалах появилась книга В.А.Росова «Николай Рерих: Вестник Звенигорода». Это произведение претендует на серьезное исследование и новый научный подход к историческому материалу, который призван раскрыть некие мистические, «закулисные» рычаги событий. «На сегодняшний день документальная база книги не имеет аналогов в исследованиях подобного рода»¹, — сообщается в авторском предисловии. Действительно, солидный том, богато иллюстрированный, содержит массу интересного, ранее не публиковавшегося архивного материала, имеющего отношение к жизни и творчеству семьи Рерихов. К сожалению, этот материал полностью подчинен не столько задачам научного исследования, сколько произвольным авторским гипотезам и интерпретациям.

В современной российской истории уже укоренился подобный стиль работы с ранее закрытыми архивными источниками, ориентированный на потребу падкой на сенсацию публики. В таких «исследованиях» ведущей становится субъективная концепция автора (иногда весьма и весьма противоречивая), которую иллюстрируют тенденциозно купированные цитаты из архивных документов. В результате многие из вышедших в свет жизнеописаний великих людей не соответствуют масштабу их личности и потакают извращенным запросам политизированного массового сознания.

В неблагоприятной игре участвуют не только публицисты, но и держатели некоторых архивов, распоряжаясь информацией в соответствии с собственными амбициями.

В этом отношении особенно усердствует держатель архива Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, его исполнительный директор Д.Энтин. Материалы этого архива последовательно выдаются для публикации недобросовестным

исследователям и издательствам, не способным профессионально работать с архивными документами.

В свое время Николай Рерих был чрезвычайно обеспокоен судьбой американского архива, большая часть которого оказалась в руках его бывших сотрудников Хоршей, путем подлога документов присвоивших себе Музей Николая Рериха в Нью-Йорке и подвергших имя его основателя неслыханной клевете. В 1936 г. Рерих писал З.Г.Лихтман (впоследствии Фосдик): «Ведь как Вы знаете, манускрипты представляют дневник Е.И. [Рерих], в котором собраны разные Заветы, Легенды, Пророчества и которые представляют из себя ценнейший материал! Может быть, злоумышленники будут клеветать и измышлять в этом отношении мерзости, но все эти записи представляют из себя неотъемлемую собственность Е.И. [Рерих]. Вероятно, злоумышленники делают какие-то фотостаты или выхватывают отдельные выражения, но ведь и из Библии и из Евангелия можно набрать злоумышленно самые жестокие и страшные выражения, отделив их от предыдущего или последующего, иначе говоря, этим самым исказив весь их смысл»². Архивные материалы в те далекие годы избежали подобной участи, так как были спешно распроданы Хоршами. Значительная часть архива, в том числе авторские копии дневников Е.И.Рерих, попали в Амхерст-Колледж. Многие были сохранены З.Г. Фосдик и впоследствии собрано в новом Музее Николая Рериха, воссозданном Рерихами и американскими сотрудниками после чудовищного предательства. В последнее десятилетие американские архивы Рерихов и их сотрудников открылись для русских исследователей, и работа с ними, а также их публикация, к сожалению, стала не столько научным открытием, сколько поводом для манипулирования информацией.

Книге В.А.Росова предшествовало варварское издание авторских копий дневников Е.И.Рерих, вышедших в издательстве «Сфера» под названием «Агни-Йога: Высокий Путь» и «Агни-Йога: Откровение» не только в нарушение воли Е.И.Рерих и авторского права Международного Центра-Музея имени Н.К.Рериха³, но и в нарушение всех издательских правил. Современные издатели не только обнародовали сокровенные манускрипты Е.И.Рерих, которые она разрешила публиковать не ранее 100 лет после своей смерти, но и произвольно исказили и перетасовали их тексты⁴. В числе обнародованных подобным образом Откровений оказались пророчества о Звенигороде, Новой Стране, о судьбах Азии и России, к которым уже не раз обращался в своих писаниях В.А.Росов, предопределяя их восприятие. Изданные «Сферой» сокровенные дневники Е.И.Рерих теперь рассматриваются как подтверждение геополитических теорий петербургского историка, а все желающие вольны интерпретировать их в меру своего сознания. Истинное же значение записей Е.И.Рерих, содержащих «разные Заветы, Легенды, Пророчества» и теперь отданных безответственными исследователями и издателями на растерзание толпы, может быть не столько историческим, сколько вневременным либо касающимся гораздо более отдаленных времен, чем XXI век. Несмотря на указанные в ее дневниках даты событий, сама Е.И.Рерих неоднократно

говорила о сокровенности (и о пластичности) истинных сроков Пророчеств и Предуказаний; многие из них не были известны даже ей самой, но только Тому, Кем они были даны...

Все, кому дорого имя и наследие Рерихов, вправе настаивать, чтобы использование архивных документов из богатейшего наследия великой семьи зиждилось на научных основах, на этических началах, а не на стремлении сорвать очередной куш и удовлетворить свои «научные» амбиции, воспользовавшись свободным доступом к архивным документам.

Предубеждение как метод «научного» исследования

Является ли новое сочинение В.А.Росова действительно серьезным научным трудом?

Классическая методология научного познания предполагает системный подход, достоверность и полноту изучения фактов. В исторической реконструкции определяющую роль играет позиция историка, понимание им масштаба и духа времени. Еще в начале XX века Н.А.Бердяев писал: «...Мы, <...> воспринимая историю, конструируем ее в большей зависимости и в большей связи с внутренними состояниями нашего сознания, внутренней его широтой и внутренней глубиной»⁵.

Работая над книгой «Рерих», П.Ф.Беликов писал С.Н.Рериху: «...Мы хорошо знаем, что подробное жизнеописание Н.К. [Рериха] — очень ответственная работа. Сейчас я пользуюсь исключительно архивными материалами, и если у меня возникают сомнения, то предпочитаю такие моменты вообще выпускать, чтобы не исказить фактов. Но безусловно, важны не только сами факты, но и их интерпретация, и в этом Ваше указание будет особенно ценным...»⁶.

«...Конечно, я считаю эту книгу лишь слабым отзвуком тех чувств и мыслей, которые не облечь в обычные человеческие словосочетания, — признаётся П.Ф.Беликов в другом письме С.Н.Рериху. — Остается только надеяться, что эта первая более-менее подробная и систематизированная биография Н.К. [Рериха], в которой как-то раскрыт и его внутренний творческий мир (выделено нами. — *Авт.*), послужит фундаментом для дальнейших работ и исследований. Как Вы заметите, книга значительно разнится от первоначального варианта. Она ближе к жанру “художественной биографии”, однако в жизнеописании Н.К. [Рериха] я не допустил вымыслов и в меру возможностей жанра затронул некоторые серьезные, глубинные проблемы...»⁷.

Позднее П.Ф.Беликов определит свой труд как «опыт духовной биографии». Метод глубокого творческого осмысления исторических фактов и документов при изучении наследия и биографии семьи Рерихов был успешно применен не только П.Ф.Беликовым, но и нашей современницей Л.В.Шапошниковой. Подобное исследование должно соответствовать самым высоким требованиям творческого откровения, смысл которого кардинально изменился на рубеже эпох. Творческое откровение, во всей его космической

сложности и многообразии, становится главным условием преобразования человека на пороге Нового мира⁸. Такое творчество (в высоком смысле этого слова — восхищение, возвышение духа к высоким истинам, озарявшим жизнь Рерихов) способствует духовному преобразению ученого-творца. Тот ученый, который не в силах преобразиться и не пытается хотя бы в какой-то мере соответствовать идеям, озарявшим жизнь великого человека, вряд ли способен написать о Рерихах достаточно достоверно.

Биография Н.К.Рериха неотделима от учения Живой Этики, и серьезный исследователь не может рассматривать ее вне контекста этой глубочайшей философии. Не случайно, работая над биографической книгой «Рерих», П.Ф.Беликов писал о результатах своих размышлений над жизнью великого мыслителя и художника: «...Безусловно, знание жизненного пути Н[иколая] К[онстантиновича] во многом поможет глубже понять Ж[ивую] Э[тику], а стремление идти аналогичным путем, усвоенные из него уроки — помогут претворению основ Ж[ивой] Э[тики] в нашей собственной жизни...»⁹. Но для В.А.Росова эта неразрывная взаимосвязь просто не существует, что не мешает ему претендовать на объяснение некой «духовной» или «мистической» подоплеку действий Н.К.Рериха.

Даже, казалось бы, вполне поддающийся хроникальному изложению событийный аспект биографий Рерихов требует очень бережного отношения к документам, по которым с той или иной степенью достоверности можно восстановить стоящие за ними события. «Факты не дают логической необходимости и всеобщности, то есть того, что как раз и характеризует научное знание»¹⁰, — справедливо замечает один из классиков отечественной истории А.С.Лаппо-Данилевский.

Историческую реальность, отраженную в текстах исторических документов, Росов воссоздает сообразно собственной системе ценностей и представлений: общественно-культурную деятельность русского художника и мыслителя в эпоху «космического беспокойства» он освещает в привычном для современного российского обывателя геополитическом ключе. В результате многогранная личность Н.К.Рериха остается не раскрытой и не понятой автором, одно из самых сокровенных и многогранных понятий философского наследия Рерихов, Новая Страна, оказывается опошленным, а грандиозные планы культурного строительства — смешанными с грязью политических интриг.

О попытках с утилитарной целью употребить его имя «в самых непредвиденных комбинациях», «надеясь, что время и пространство явятся достаточными прикрытиями», Николай Константинович Рерих писал неоднократно. В 1934 году в статье «Самовольство» он напоминает своим оппонентам, что для установления истины и соотнесения масштабов необходимы «широкие ознакомления». «Они помогут освободиться от предрассудков невежества и не допустят до редикулярности»¹¹. Однако претендующее на научность новое «исследование» В.А.Росова полностью игнорирует наиболее существенные работы в области рериховедения, в том

числе книги и статьи П.Ф.Беликова и Л.В.Шапошниковой, раскрывающие космичность замыслов и деяний наших великих соотечественников; а статьи своих оппонентов автор в предисловии к книге определяет не иначе как написанные во исполнение «политического заказа».

Особая тема — взаимоотношение В.А. Росова с текстами дневниковых записей Е.И.Рерих. В беседах с Еленой Ивановной космические Учителя человечества, Махатмы, в сотрудничестве с которыми был создан уникальный философский труд — Живая Этика, ставшая концептуальной основой творчества Рерихов и их жизненного пути, — предсказывали грядущее изменение мира, и прежде всего человеческого сознания. Высокие беседы были занесены Е.И.Рерих в дневник, эти записи уникальны по своему духовному наполнению и чрезвычайно сложны для неподготовленного и недоброжелательного восприятия.

«“Мир Огненный” указывает..., — напоминал Николай Константинович. — Следует избегать предубежденности как в большом, так и в малом. Много возможностей пресеклись предубеждением. Именно огненная энергия очень чутка на предубеждение»¹². Само соседство лукавого авторского текста В.А.Росова и цитат из дневников Е.И.Рерих не способствует их адекватному восприятию. Происходит не одухотворенное понимание исторических событий, а событийное, приземленное толкование духовных откровений. Насколько дневниковые записи Елены Ивановны нуждаются в пространных комментариях для адекватного восприятия их обыденным сознанием, видно из ее писем, где одна или две строки из дневника сопровождаются развернутыми пояснениями, выводящими затронутую проблему на общедоступный уровень.

«Исследовательская честность» по отношению к дневникам Е.И.Рерих носит у Росова весьма специфический характер. Дневниковые записи отрывочны и метафоричны, их содержание очень сложно, если вообще может быть помещено в какой-либо контекст. Многие фразы записаны только начальными буквами или слогами, что делает любую их расшифровку весьма субъективной. Нимало этим не смущаясь, В.А.Росов то и дело допускает «небольшие неточности» при цитировании таких фраз — снимает квадратные скобки, отделяющие оригинальный текст от его расшифровки. Одна из очень немногих записей Е.И.Рерих, где автор выполнил общепринятые правила цитирования, — это фраза: «Дав[айте] упр[авлять] обл[астью] от А[лтая] до Г[оби]»¹³, да и то лишь потому, что она, данная в прошлой публикации В.А.Росова в вольной расшифровке¹⁴, в сборнике «Защитим имя и наследие Рерихов» была приведена в качестве примера его научной некорректности¹⁵.

В остальных цитатах из дневника Е.И.Рерих петербургский историк остается верным своему методу дописывания архивных документов. Например, он с уверенностью пишет о том, что «Рерих надеялся по возвращении из Тибета, завершив “коммунистическое задание”, получить назначение на пост “начальника экспедиционного отряда для защиты интересов Союза Советских республик” в Центральной Азии. Так записала в своем дневнике Е.И.Рерих (15.11.1924)»¹⁶. В действительности упомянутая запись выглядит следующим

образом: «По возвращению из Т. завершив коммунистическое задание получится назн. на п. н. экс. от. для защиты интересов Союза советских республик в Ср. Аз.»¹⁷. Столь бесцеремонное обращение с цитатами из сокровенных манускриптов Е.И.Рерих Росов в частных беседах оправдывает тем, что цитирует их по дневнику З.Г.Фосдик (об этом документе далее будет сказано более подробно), — но в его книге это никак не оговорено.

Из дневниковых записей Е.И.Рерих Росов создает своеобразные «эссенции», вынимает целые страницы текста, соединяет начало и конец записи, чтобы сгустить смысл до «военной директивы», как, например, это сделано с записью от 5 сентября 1924 года¹⁸.

На протяжении всей книги автор с легкостью жонглирует фактами, именами, документами и датами, свободно преодолевая расстояние между 20-ми и 30-ми годами, подчиняя время логике своего повествования.

Все, что не имеет отношения к изначальной гипотезе, не представляет для Росова интереса. Им практически полностью выпущены из внимания деловая переписка Ю.Н.Рериха периода Маньчжурской экспедиции и публикации других авторов, посвященные этой экспедиции. В результате место базового лагеря Н.К.Рериха Тимур Хада и строящаяся столица автономной Внутренней Монголии Батухалка оказались перенесенными из Байлинмяо в Баотоу. А от Байлинмяо (Батухалки) до Баотоу, как писал Ю.Н.Рерих, — два дня пути на грузовой машине¹⁹. Но такие «мелочи» не имеют значения для «исследователя», сосредоточившего свое внимание преимущественно на архивах спецслужб и сокровенных манускриптах Е.И.Рерих (странное сочетание, не правда ли?).

В.А.Росов без тени сомнения берется комментировать «Великий План» Махатм, который, как кажется автору, довольно прозрачно обозначен в записях Высоких Бесед, сделанных Еленой Ивановной. В результате долину Кулу он превращает в «духовную столицу», представив ее в контексте собственных геополитических построений. Сибирь, Алтай, Монголия сливаются в единое государство, образовавшееся то ли военным, то ли мирным путем.

«Уникальность и величие рериховской работы по созданию “Новой Страны” в том, — пишет Росов, — что она не была исключительно политико-экономической — за всем этим стояла духовная цель»²⁰. Немногом ранее в обзоре геополитической ситуации в Центральной Азии Росов убедительно показывает, как Советы в 1921 году подавили религиозное восстание в МНР, а в 30-х годах, опять же с помощью СССР, была ликвидирована автономия в Синцзяне. Над пустынями Монголии сошлись интересы двух великих держав. О геополитических коллизиях вокруг азиатских пустынь Рерихи были прекрасно осведомлены. Е.И.Рерих высылала мужу, находящемуся на маршруте Маньчжурской экспедиции, выписки из газет, в том числе такие: «...По мнению авторитетных политических наблюдателей, Монголия может стать рано или поздно ареной кровопролитного столкновения между Сов[етским] Союзом и Японией. Над ее пустынями собираются грозные тучи...»²¹. «...За последнее время поступил ряд ходатайств о присоединении

внутренней Монголии к Маньчжурии. В Долонноре группа монгольских князей обратилась с просьбой к маньчжурским властям о разрешении передать маньчжурскому императору в Синкинге петиции о воссоединении Монголии с Маньчжурией...»²². Каким образом кооператив, задуманный Н.К.Рерихом в Маньчжурии, а затем во Внутренней Монголии, мог превратиться в новое «буферное» государство между двумя державами, не терпящими политических полутонув, из намеков Росова понять невозможно. В результате Н.К.Рерих, общественный и культурный деятель мирового масштаба, изображается Росовым как недалёковидный политик, лелеющий несбыточную мечту о новом государстве в пустынях Азии.

Но о «портрете» Н.К.Рериха «кисти» Росова следует поговорить отдельно.

«Серенький» не дремлет

В предисловии к книге, перечисляя последние отечественные и зарубежные публикации о Н.К.Рерихе, В.А.Росов сетует на однобокое восприятие авторами многогранной личности нашего соотечественника и уличает О. Шишкина, А. Первушина, И. Минутко в сознательном искажении реальных исторических фактов с целью выставить Н.К.Рериха в ложном свете. У читателя возникает надежда, что Росов искренне хочет пресечь выдумки и лжетолкования относительно экспедиций Н.К.Рериха в Центральную Азию и берет на себя трудную задачу с помощью новых архивных документов восполнить пробелы в биографии Мастера. Однако на поверку оказывается, что «новая» интерпретация фактов льет воду на мельницу откровенных фальсификаторов и клеветников.

«Вестник Звенигорода» — не первая проба пера В.А.Росова в попытке утверждая одно, создать нечто прямо противоположное. Не так давно было издано его биографическое эссе о жизни и деятельности Н.К.Рериха «Неудавшееся попечительство. Об истории взаимоотношений Института “Урусвати” и Института им. Н.П.Кондакова в Праге»²³, где автор уже достаточно ярко показал свое отношение к великому мыслителю и художнику и весьма преуспел в области произвольных размышлений над архивными документами. Основная тема этого эссе, по заявлению автора, — обращение к нравственной проблеме в науке. Но проблему нравственности он сужает до проблемы межличностных отношений и методом смещения смысловых акцентов отводит Н.К.Рериху неблагоприятную роль мастера закулисной игры. Четкая жизненная позиция великого художника, мыслителя и общественного деятеля, ориентированного на сотрудничество прежде всего с высокодуховными и честными людьми, намеренно искажается. Некритическое отношение к источникам и тенденциозная избирательность в подборе документов — грех непростительный для исследователя. Материал подается автором с позиций тех людей, с которыми Н.К.Рерих предпочитал не развивать отношений. При этом В.А.Росов опускает именно те упоминаемые Рерихом письма, которые могли бы пролить свет на ситуацию и показать истинное лицо его корреспондентов.

В новой книге авторское представление о новаторском пути Н.К.Рериха является лишь отражением «высоты» духа самого В.А.Росова. Своими намеками, недомолвками, сомнениями, оговорками типа «пожалуй», «хотим мы этого или не хотим», «наверное», «возможно», «казалось бы» он последовательно пытается принизить общественно-культурную Миссию Рерихов и высоту духа их Учителей.

О разрушительной роли сомнения и умаления Рерихи напоминали неустанно. «Главное, все сотрудники должны избегать взаимного подрывания перед служащими и посторонними. Этот подрыв уважения делается в мелочах, острыми словечками, кривыми улыбочками и т.д. Нельзя допустить, чтобы посторонние могли замечать расчленение дела, сильного лишь своим единством. Нужно очень следить, чтобы служащие не потеряли уважения, слыша разные намеки. Разбитие уважения непоправимо, и делается это самыми обычными обстоятельствами и неудачными выражениями. Не раз уже было сказано: “Даже в шутку не следует умалять и осуждать друг друга. Пора понять вред малых мошек”. Укус малой мошки может принести заражение целого организма. Нужно помнить, что “враг пытается влезть не в дверь, но в щель”. Подрывание же друг друга является не только щелью, но открытой дверью»²⁴, — так писала Е.И.Рерих.

Система скрытых и явных умалений в книге В.А.Росова проработана последовательно, тонко и многозначно. Лакмусовая бумажка для определения отношения автора к наследию Рерихов — вопрос о космических Учителях человечества, Махатмах, и их земной обители Шамбале. Существование Махатм, как оказалось, не очень соответствует «научному характеру» книги, и, чтобы вписать Их в свой труд, В.А.Росов поступает довольно просто — принижает и приземляет до уровня обыденности образ Великих Учителей, руководивших Рерихами. Это простительно было бы Игорю Минутко, который не имеет представления о философско-этических воззрениях Рерихов и Иеровдохновении, под знаком которого прошла вся их жизнь. Но Росов, заявляющий о своей причастности к учению Живой Этики, данному Рерихами в сотрудничестве с Махатмами, судя по книге, по ее духу, недалеко от него ушел.

Учение Живой Этики утверждает цельность внешнего и внутреннего мира. Живая Этика говорит о том, что ум должен быть сердечным, а сердце — разумным. Но подобная цельность мировосприятия, присущая Рерихам, не находит отклика у автора книги. Неделимая канва жизни Рерихов в изложении Росова раздваивается: рассматриваются некие внутренние и внешние импульсы к деятельности, разделяются творческая и мистическая стороны жизни Н.К.Рериха:

«Весной 1920-го в Лондоне Рерихи встретились с Учителями <...>. И с этого момента их существование наполняется бессознательными импульсами и образами индийской жизни. <...> Вопрос о Махатмах — самый шепетильный и бесспорно важный. В контексте данной работы он сам собой выдвигается на первый план. Любой ученый вынужден реагировать в подобной ситуации. Ведь Махатмы были реальными

личностями <...>. Что же можно поделаться, если существуют дневники Рерихов — записи их бесед с Учителем Морией. И социальная, научная и творческая жизнь Николая Константиновича регламентирована этими дневниковыми записями. <...> Возможно, это уникальный опыт в истории человечества, данный нам сегодня только в “ощущениях”»²⁵.

«Пророчества и предсказания на 36-й год, возможно, не относятся ни к научному характеру книги, ни к творческой натуре Рериха (хотя у него определенно мистическая интуитивная природа, как и у любого настоящего художника»²⁶.

«Надежды на Советы возлагались еще довольно большие, невзирая на ранее упомянутую запись из дневника Е.И.Рерих о том, что “явление Трилиссера позорит Москву”. (Пожалуй, эта фраза относится к интуитивным прозрениям Елены Ивановны, поскольку настоящей помощи от чекистов так и не последовало.)»²⁷.

Н.К.Рерих был цельной натурой, для него и всей семьи творческое общение с Махатмами, применение в жизни каждого дня Их Указов и принципов Живой Этики было основой основ, а не «бессознательными импульсами» и «интуитивными прозрениями», данными только в «ощущениях». «Что сказали бы все эти самоутвержденные авторитеты, — писала Елена Ивановна своим корреспондентам, — если бы услышали от нас о замечательных событиях и встречах, а также и о получении нами на хранение многих сокровенных предметов, и что вся жизнь наша идет под Лучом Владык?»²⁸.

Е.И.Рерих не однажды писала о ведущей роли Учителей в жизни всех членов ее семьи, и особенно в жизни Н.К.Рериха: «Жизнь его есть жизнь полного самоотречения, он живет для Великого Служения. Никто не принадлежит ему, и сам он не принадлежит себе. Каждую минуту готов он следовать малейшему Указу Владыки. Терпимость великая — природа его... Мудрость Учителя есть мудрость его. Эти два сознания так объединились на протяжении многих лет и веков! Если бы было иначе, разве мог бы он быть таким провидцем и так преуспевать в поручаемых ему делах при таких чудовищных препятствиях, которые воздвигаются темными в конце Кали Юги, во время грозно свирепствующего Армагеддона?»²⁹. И еще: «Пойдем, что выполнение указов Учителя не есть подчинение своей индивидуальности чужой воле, как это утверждают легкомысленные люди, но, именно, и есть наибольшее развитие чуткости и творчества, ибо в указе Учителя всегда заложено столько причин, столько возможностей и путей выполнения!»³⁰.

Между тем В.А.Росов, последовательно реализуя метод умаления и разделения, не только отказывает Н.К.Рериху в творческой цельности мировосприятия, но и приписывает ему несамостоятельность действий и поступков, зависимость от «внешних стимулов» и «возвышающихся других фигур». Он сообщает читателям, что, оказывается:

«Картины — не менее значимая сторона деятельности Рериха, чем рассылка грамот и пророчеств. Способ насытить мир образами грядущего Будды»³¹.

«История с бароном Унгерном имела бы лишь косвенное отношение к Мировому плану, если бы не один факт. Обозом Азиатской дивизии командовал брат Н.К.Рериха, Владимир Константинович (!). Без сомнения, начальник дивизионного обоза — высокая должность, приближенная к Унгерну. Это обстоятельство, возможно, является решающим, чтобы разобраться в появлении внешнего стимула к Мировому плану (внутренним, конечно, были указы Махатм)»³².

«Рядом с мировым вождем Рерихом возвышаются другие фигуры, оказавшие влияние на поиски Новой Страны. Главная из них — министр Генри Уоллес. Именно он дал своему Гуру ощутимую надежду ступить на землю Майтреи. И он же сокрушил Великий план. Человечеству в наследство осталась самая дерзновенная мечта, которая навсегда будет связана с именем Рериха»³³.

«Гребенщиков — это главная опора Великого Плана на Алтае»³⁴. «А возможно, что и сам Мировой План (или отдельные его части) стал приобретать для Рериха образную завершенность благодаря Гребенщикову»³⁵.

Здесь что ни пассаж, то намеренное искажение, деформация смыслов, «разъятие» фактов и событий.

Если говорить о «возвышающихся других фигурах», то Г.Д.Гребенщикову, например, было многое дано, чтобы понять, от кого и через кого пришли все возможности. Достаточно обратиться к письмам Елены Ивановны в Америку, чтобы понять, что Н.К.Рерих знал истинную цену Тарухану. Авансом данные ему высокие оценки Учителей Гребенщиков воспринял как должное. Освоившись в Америке, он стал работать на продвижение своего имени. Н.К.Рерих, обсуждая с З.Г.Фосдик свою поездку в Харбин, шутил, «...что Тарухан его представляет как Почетного члена Чураевки, едущего к ним»³⁶. Характерен эпизод с иконой Преподобного Сергия, которая находилась в нью-йоркском Музее Н.К.Рериха. В отсутствие Николая Константиновича комната, посвященная Святому Сергию, была ликвидирована, а икону Г.Д.Гребенщиков, не воспротивившийся святотатству, забрал и установил в Часовне Преподобного в Чураевке, не посчитав нужным поставить об этом в известность своего Гуру.

Не выдерживает критики и версия Росова о роли В.К.Рериха в планах его великого брата, и тем более в планах Учителей. Оказывается, если бы Владимир Константинович не работал у барона Унгерна начальником дивизионного обоза, то направление деятельности Н.К.Рериха, определенное указами Владыки, было бы совсем иным. Такая же «судьбоносная» роль отводится Росовым и Генри Уоллесу. Но хорошо известна истинная роль Генри

Уоллеса в позорном для Америки предательстве, погубившем первый Музей Николая Рериха.

Мудрую и искусную тактику Н.К.Рериха при общении с большевиками Росов низводит до примитивного резона, что все средства хороши для достижения цели:

«Биография Рерихов полна историческими метаморфозами»³⁷.

«Яркая антибольшевистская страница в жизни Рериха-старшего вписана благодаря дружбе с Леонидом Андреевым. <...> Николай Константинович, оценивая посмертно роль Леонида Андреева как писателя, в статье, посвященной его памяти, подчеркивал, что он горел священной мыслью “раскрыть человечеству весь ужас большевизма”. Казалось, такая неприязнь к Советской власти сохранится на века»³⁸.

Все, кто знакомы с творчеством семьи Рерихов, знают, во имя чего они жили — «...не для большевиков, но для России нужно нести накопленное». Неужели В.А.Росов не понимает, какие силы надо было приложить, чтобы протянуть всех двугорбых верблюдов, стоящих на Пути, в игольное ушко? И что кроется за этим «непониманием», как не желание скомпрометировать Великую Идею и всех, кто причастен к ней? «Настоящее мужество состоит в том, чтоб принести Мое письмо самым страшным людям. Нельзя выразить, около каких опасностей прошли в Москве. Малейшее сомнение или содрогание могло принести разрушения. <...> Считаю результат Москвы важным исторически»³⁹, — записала в своем дневнике Е.И.Рерих.

Особо следует отметить сквозящее между строк желание Росова уличить Н.К.Рериха в нескромности и настойчивом привлечении внимания к своей особе:

«В книге “Сердце Азии” Николай Константинович определяет взаимоотношения между всеми главными буддистскими Иерархами — последним Далай-ламой XIII, Таши-ламой и “Великим Далай-Ламой”. Удивительно, что в этот треугольник Рерих помещает себя самого как “Великого”»⁴⁰.

«Кому же предназначалась такая драгоценность (Орден Будды Всепобеждающего. — *Авт.*)?.. И притом три экземпляра. Стоимость одного массивного, изготовленного из серебра ордена составила 700 американских долларов (!). Это три месячных экспедиционных жалованья Рериха или четырнадцать профессорских зарплат Гребенщикова. <...> Первый орден предназначался Далай-ламе, второй — Таши-ламе, третий... Последним награжденным мог оказаться, по крайней мере, тоже лама, рангом не ниже, чем первые два. Быть может, Западный Далай-лама?...»⁴¹.

«В очерке Рерих пишет о “целых группах Махатм и Учителей”, появившихся в последние годы в Индии, в Китае и во всей Центральной Азии. Среди них он называет Шри Рамакришну, Свами Вивекананду, Цаган Хутухту, революционера Ауробиндо Гхоша и даже Махатму Ганди. В один ряд с ними Николай Константинович выдвигает самого себя —

фигуру нового Махатмы. <...> Пожалуй, это никак не умаляет личности Рериха, но лишь раскрывает его оригинальный метод, посредством которого воплощался Великий План»⁴².

При чтении подобных строк невольно приходит на память эпизод из воспоминаний Н.В.Грамматчикова:

«Не спит маленький серенький, ждет каждого удобного момента, в который можно было бы влезть в сердце человеческое, забросить туда дрянненькую мысль, авось да клюнет, попадетя на удочку, засомнеается, а тогда уже за маленьким сереньким проберется и большой черный. Проберется, словно вода в треснувший камень плотины.

Возится человек с засушенным растением, а сам думает и не может уяснить себе, хороша ли его мысль.

Входит в юрту Н.К. не доволен. Думает, что работа не в порядке, спрашивает об этом.

“Нет, все хорошо”.

Видно, дело не в растении. Опять вопрос.

“Мысли мне ваши не нравятся”.

“Как...почему...”, растерянно бормочет человек, а сам в то же время начинает сознавать, что мысли-то действительно плохи.

В присутствии Н.К. как-то сразу резче становится граница между тьмою и светом, и вот в голове уже формируется вопрос. Дается ответ.

Через несколько минут маленький серенький летит стремглав туда, откуда он так настойчиво столько времени процарапывался и уже было залез. Летит и ревет от бессильной злобы и бешенства. <...>

Темная мысль пресечена, идет дальнейший разговор. Н.К. как всегда тихо и ровно говорит о том, как надо любить Иисуса Христа и Преподобного, как проникнуться любовью к ним, чтобы при одном имени их, самим ли произнесенном или услышанном, на сердце становилось трепетно тепло.

И чувствует слушающий, что от этих слов светлых, произнесенных с такой силой, у него самого затрепетало теплой радостью сердце. И вместо маленького, серенького, входит что-то Большое, Светлое, Прекрасное, Святое»⁴³.

Николай Константинович оставил нам богатейшее духовное наследие, его уникальные «Листы дневника» приобщают нас к тому Светлому и Прекрасному, о котором говорил со своими сотрудниками великий мыслитель и художник.

Но «серенький» не дремлет, и для его поселения в души людей придумано много приемов. Росов пользуется ими вдохновенно. В наборе средств, которыми он пишет «портрет» Н.К.Рериха и членов его семьи, — специфическая лексика, приемлемая разве что для «шпионских репортажей» газеты «Совершенно секретно», но не для создания образов великих деятелей Культуры:

«Несколько раз Рерих *ставил на* (здесь и далее выделено нами. — *Авт.*) Кордашевского...»⁴⁴.

«В Урге для Юрия Рериха готовилась *легенда...*»⁴⁵.

«По прибытию в Соединенные штаты Гребенщиков работает на благо Алтая. Собственно, с этой целью он и был “*выписан*” Рерихом из Парижа»⁴⁶.

«Рерихи разработали целую систему кодовых обозначений, чтобы уберечься от цензуры и случайно любопытствующих глаз. Только благодаря “*шифровальному*” листку, чудом сохранившемуся в архиве советского консула А.Е.Быстрова, удалось понять, кто за кем стоит»⁴⁷.

Согласитесь, подобный стиль изложения никак не совместим с жанром «духовной биографии» — единственным жанром, который, по мнению П.Ф.Беликова, способен наиболее полно передать облик Н.К.Рериха и на владение которым претендует Росов.

Но только ли «кризис жанра» стоит за подобным отношением автора к герою его книги? Размышляя о «той или иной степени болезненности», которую невольно обнаруживают авторы ложных газетных публикаций, Николай Константинович в свое время писал: «Не говорю вообще против печатного слова, но его стало так много, оно сделалось подверженным такому множеству партийных, национальных и классовых соображений, что действительность преломилась в нем во всех бесчисленных градациях условных делений человечества. <...> Что-то преломилось, закрипело, заржавело, и мысль человеческая понеслась в бездну. Она озирается и спрашивает себя, где бы навредить. Другой бросает в пространство сведение, в которое он, конечно, и сам не верит, но оно так ладно связывает два отрывка мышления...»⁴⁸.

В.А.Росов, надо отдать ему должное, владеет даром «ладно» связывать обрывки, по клочкам воссоздавая «цельную» картину исторического прошлого. Однако, как заметил тот же Н.К.Рерих, «реставратор с ложным пафосом иногда будет рассказывать, как он поможет оживить увядшие краски старинной живописи, а на деле вы с огорчением убедитесь, сколько именно старинных красок безвозвратно стер сам реставратор и как отталкивающе замазал он поврежденные места»⁴⁹. В той же статье Николай Константинович вспоминает стихи А.С.Пушкина:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Несостоявшийся портретист и реставратор исторической действительности, В.А.Росов вывел за рамки своего исследования не только учение Живой Этики, но и самое главное, что составляло основу общественной

жизни великого художника, — концепцию Культуры Рериха и его понимание взаимоотношений Культуры и цивилизации, в которых Культуре Николай Константинович отводил ведущую роль. Политика и все, что с ней связано, относится исключительно к понятийному аппарату цивилизации, поэтому такие определения Росова, как «неординарный политик» и «большой политик», никакого отношения к Рериху не имеют. Чем объяснить настойчивость, с которой на протяжении многих лет Росов пытается навязать читателям вымышленные образы Рерихов? Какую именно идею он хочет до нас донести? Ответ на этот вопрос заслуживает особого внимания.

«Интеллектуальное мародерство» или предательство?

В 1999 году в третьем номере журнала «Ариаварта», в статье «Маньчжурская экспедиция Н.К.Рериха: в поисках “Новой Страны”» Росов выступил с довольно резким заявлением: «Как всегда бывает, при разрушении старых догм первыми появляются интеллектуальные мародеры. Только в этом году уже издано две книги, выставяющие Рериха в ложном свете, — Олега Шишкина “Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж” и Антона Первушина “Оккультные тайны НКВД и СС”. Первая делает Н.К.Рериха агентом советских спецслужб <...> Вторая отводит Рериху роль неограниченного властного сатрапа, стремящегося “единолично решать судьбы мира”. И то и другое — ложь, от начала и до конца»⁵⁰.

Вышеприведенная цитата почти полностью повторена в новой книге. За исключением одной существенной детали, — теперь в ней опущено меткое определение «интеллектуальные мародеры» и оценка их идей как «ложь от начала и до конца». Что же изменилось? Неужели одумались и прозрели шишкины, первушины и минутки? Отнюдь. Изменилась позиция их недавнего критика: в 2002 году Росов в книге «Николай Рерих: Вестник Звенигорода» повторяет ложь О.Шишкина практически дословно.

Напомним, что в 1994 году прошли два судебных процесса по иску Международного Центра Рерихов к газете «Сегодня» и к О.Шишкину, автору клеветнических публикаций в этой газете, предваряющих его книгу «Битва за Гималаи». Суды признали информацию, содержащуюся в статьях Шишкина, не соответствующей действительности. И вот теперь идеи «интеллектуального мародера» Шишкина легли в основу одной из сюжетных линий книги Росова — о взаимоотношениях Рерихов с ОГПУ.

Сближение не единственное. В статье «Н.К.Рерих. Мощь пещер (1)»⁵¹ Шишкин утверждал, что Центрально-Азиатская экспедиция Рериха имела цель «спровоцировать религиозную войну»⁵² в Тибете между Далай-ламой и Таши-ламой. Эта цель, по мысли Шишкина и «стратегов советской разведки», достигалась в том случае, когда «водворение настоятеля Ташилунпо в его обитель могло произойти лишь силовым путем»⁵³. Теперь В.А.Росов развивает идею военного похода на Тибет, рассуждает о возможности военных действий в Азии, спровоцированных Рерихами, и приводит выдержку из дневника

генконсула СССР в Урумчи А.Е.Быстрова, который весьма своеобразно трактует планы Рериха: «связаться с бежавшим из Тибета Таши-ламой <...> и вытащить его в Монголию, а уже оттуда двинуться духовным шествием для освобождения Тибета от ига англичан»⁵⁴. Росова не смущает, что вышеприведенная цитата принадлежит не Рериху, а является интерпретацией самого генконсула Быстрова. Главное, что эта фраза вполне соответствует теории Росова, который далее развивает свою мысль: «Случайно ли Рерих пишет о боевых дружинах лам? Или все-таки в этом есть *умысел* — *намекнуть* (выделено нами. — *Авт.*) Советам, что при необходимости объединение Азии может быть достигнуто вооруженным путем...»⁵⁵.

Почему и Минутко, и Росов, и другие «исследователи» так активно педалируют идею «военного похода на Тибет»?

Их «предтеча» О.Шишкин еще в 1994 году цитировал документ армейской разведки: «фактически возвращение Панчен-ламы в Тибет <...> возможно, однако, лишь в результате военного похода»⁵⁶. Эта карта действительно разыгрывалась в свое время в геополитических планах советского руководства. Связать в один узел планы советской диверсионной деятельности против «мирового империализма» и экспедицию Рериха — вот задача подобных «исследований».

В той же статье О.Шишкин писал, что: «...Рерих выступает как представитель некой богатой заинтересованной американской буддийской организации — от неких “буддистов Запада”»⁵⁷, — это за два года до издания дневников доктора экспедиции К.Н.Рябинина «Развенчанный Тибет», где впервые было опубликовано высказывание о Миссии. Очевидно, что Шишкин черпал информацию из закрытых архивов, где хранились допросы П.К.Портнягина (о нем чуть позже).

Вслед за Шишкиным Росов сообщает о Соборе западных буддистов как о данности, не принимая во внимание то, что упоминание об этом событии в дневнике Е.И.Рерих может иметь не обыденный, а сакральный смысл.

По утверждению Росова (еще один пример не критического отношения к источнику), обнародованные дневники доктора Центрально-Азиатской экспедиции К.Н.Рябинина «Развенчанный Тибет» и экспедиционные записи заведующего транспортом экспедиции П.К.Портнягина и начальника охраны экспедиции Н.В.Кордашевского произвели «...эффект разорвавшейся бомбы, наши представления о художнике Рерихе и задачах двух его “научно-художественных” экспедиций начали постепенно меняться»⁵⁸. Этот «взрыв» связан именно с тем, что авторы упомянутых дневников говорят об экспедиции как о миссии, а Рябинин к тому же приводит письма Николая Рериха к тибетскому правительству, по распоряжению которого экспедиция была в течение пяти месяцев арестована на высокогорном плато и вынуждена зимовать буквально в нечеловеческих условиях. В этих письмах Рерих говорит об экспедиции как о «Посольстве Западных Буддистов» и настоятельно требует от тибетского правительства освободить их из-под ареста и разрешить продолжить движение.

Чтобы понять, почему Рерих в переговорах с представителями тибетского правительства называл свою экспедицию «Миссией» или «Посольством Западных Буддистов», необходимо прочувствовать условия той страшной зимовки и атмосферу тибетского невежества и жестокости. По прямому указу англичан (Тибет был в те времена под протекторатом Великобритании) участников экспедиции обрекли на верную гибель: «И ласковые два дня превращаются в свирепые пять месяцев нашего стояния в летних палатках при морозах свыше 60° С, при ураганных ветрах на высоте 1500 футов (около 4600 м), — пишет Николай Рерих в своем экспедиционном дневнике. — Оставлен с нами всегда пьяный майор и дикие оборванцы солдаты. Запрещено говорить с проходящими караванами; запрещено покупать пищу от населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу. Из 104 караванных животных погибает девяносто. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца. <...> Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче»⁵⁹.

Исследователю, свободному от предвзятости, не составит особого труда понять, почему руководитель погибающей экспедиции в письмах к виновникам трагедии представлял экспедицию как «Миссию» и «Посольство» и указывал срок (27 ноября 1927 года — день, когда якобы должен состояться Собор Западных Буддистов), не позднее которого он должен связаться с Америкой (в Лхасе было телеграфное сообщение с Индией). Форма обращения и содержание писем Рериха вполне объяснимы: руководитель экспедиции, отвечающий за жизнь ее участников, был обязан принять все возможные меры для спасения людей. В итоге выбранная Рерихом тактика оказалась правильной и спасла экспедицию.

Оценивая дневники доктора Рябинина с точки зрения достоверности содержащейся в них информации, нельзя не учитывать, что, находясь под сильным впечатлением от светоносной личности Николая Константиновича, Рябинин под «высотой и чистотой духа Миссии, возложенной на Н.К.[Рериха]»⁶⁰, имел в виду не только саму экспедицию, но всю жизнь и творчество великого соотечественника. Духовное понимание Рябининым задач Миссии Рериха противоположно попыткам Росова навязать свое (вернее, позаимствованное у Шишкина) заземленное понимание задач Центрально-Азиатской экспедиции «с уклоном в политику». Надо полагать, что автор получил своеобразную контузию от упомянутой «разорвавшейся бомбы». Иначе чем объяснить его умопомрачительные выводы: «...Рерих направился в Тибет как представитель Всемирного Союза буддистов (с центром в Нью-Йорке) на встречу с Далай-ламой. Его миссия должна была завершиться переговорами о реформировании буддийского учения и официальным признанием параллельной ветви Западных буддистов. Причем не важно, каким будет решение Его Святейшества. Если даже отрицательным, то неизбежным исходом переговоров станет *самопровозглашение* (выделено нами. — Авт.). <...> Фактически речь шла об избрании русского Далай-ламы. И такой Далай-лама был утвержден...»⁶¹. И далее: «Неизвестно, проводились ли официальные

выборы — по некоторым сведениям (каким?! — *Авт.*), Собор буддистов состоялся 27 ноября, — но буддийский центр действительно существовал при Рериховском музее»⁶². Самое интересное, что в качестве неопровержимого доказательства Росов выдвигает показания Портнягина, данные им на допросе. «Можно предположить — сведения о Западных буддистах, попавшие на страницы дневников, носят какой-то метафорический смысл. Но существуют неопровержимые факты. Более 30 лет спустя после Трансгималайского путешествия П.К.Портнягин на следствии в связи с его прошением о реабилитации свидетельствовал: “Экспедиция Рериха, в основном, преследовала религиозную цель, именно установить контакт между западными и восточными буддистами, поскольку сам Рерих являлся главой западных буддистов”»⁶³.

Таким образом, пользуясь показаниями человека, который ради своей реабилитации 9 августа 1960 года в камере КГБ оклеветал Рериха, автор книги «Николай Рерих: Вестник Звенигорода» пытается бросить тень на великого сына России. Следует напомнить, что П.К. Портнягин был весьма одиозной личностью и после Центрально-Азиатской экспедиции, обманувшись в своих корыстных ожиданиях, возненавидел Рерихов и стремился везде, где возможно, принизить их и научное значение упомянутой экспедиции⁶⁴. Именно документы, выходящие из-под пера людей, враждебно относящихся к Рерихам, Росов охотно использует в своих трудах.

Но и на этом В.А.Росов не останавливается в своем следовании идеям О. Шишкина. По его мнению, встречи Николая Рериха с советскими дипломатическими представителями означают, что Центрально-Азиатская экспедиция без участия Москвы не могла бы осуществиться. Д.Н.Бородин, заведующий Русским сельскохозяйственным бюро в Америке, усилиями Росова предстает «деятельной направляющей силой, благодаря которой экспедиция продвигалась по Азии»⁶⁵, — якобы именно Бородин «...давая последние указания <...> сказал Николаю Константиновичу, что “главное для них — это объединение Азии”»⁶⁶.

Политический подход диктует Росову еще одну побочную сюжетную линию: «Духовные поиски в конце концов привели их (Рерихов. — *Авт.*) к реальной встрече с Учителями, или Махатмами Востока, — пишет Росов, — которая произошла в Лондоне, в Гайд-парке 24 марта 1920 года. И здесь начинается та особая область для исследований, где переплетается эзотерика и политика»⁶⁷. Невозможно переплести противоположное: эзотерику, которая соотносится исключительно с сокровенным, сокрытым, духовным миром человека (от греческого слова — «внутренний»), с политикой — инструментом материального, грубого бездуховного мира. Но для Росова невозможного нет. Он целенаправленно идет к завершающему выводу: «Таким образом закладывалось начало *нового религиозного движения* (?! — *Авт.*) в Азии. Оно основывалось на том, что *лучшие умы Востока видели в учении коммунизма единственно возможную эволюцию человечества* (?! — *Авт.*), так как коммунистическая община вполне согласуется с мировой общиной Будды»⁶⁸.

Но конкретные методы осуществления идей коммунизма в СССР никакого отношения к мировой общине Будды не имели. Именно об их несоответствии в форме предупреждения и было сказано в одной из книг учения Живой Этики — в «Общине», которую Рерихи везли в дар Советскому правительству. «Предупреждений не поняли и им не вняли. В океане космоса, по которому плыла Земля, что-то неуловимо изменилось, сроки незаметно сдвинулись, возможности оказались упущенными. Альтернатива, против которой предупреждали Учителя, стала на путь реализации. “Посылаем всю нашу помощь”. Помощь была отвергнута»⁶⁹.

Далее Росов вплетает в свое повествование Астахова, сотрудника советского посольства в Берлине (у Шишкина Астахов еще и агент ОГПУ), который «выдвигается главным передаточным звеном в сотрудничестве с Советами. А представителем Рериха становится Шибает»⁷⁰. Автор внушает читателю мысль, что отношения Николая Рериха с советскими дипломатами носили агентурный характер: «Шибает “получил от Рериха задание передать Астахову некоторые документы...”»⁷¹ (здесь и далее выделено нами. — Авт.), «в Берлине Николай Константинович обещал Крестинскому и Астахову — по возможности *регулярно передавать информацию*»⁷².

В доказательство Росов цитирует переписку М.Лихтмана с В.Шибаетым, хранящуюся в нью-йоркском Музее Николая Рериха, и приводит «кодовые обозначения», которыми Рерихи пользовались в переписке. Читатели, хорошо знакомые с трудами Рерихов, особенно с письмами Елены Ивановны, знают, что Рерихи в переписке со своими учениками действительно использовали условные имена. Находясь в экспедиции, особенно в СССР и в Монголии, они осознавали, что находятся под контролем ОГПУ и переписка просматривается. Поэтому в своих записях они часто переходили на язык символов для обозначения людей и стран. Приводимый Росовым список с «кодовыми обозначениями» вовсе не является доказательством «шифрованной» работы со всеми ее последствиями, как на то намекает автор книги «Вестник Звенигорода».

Встреча Николая Константиновича с членами Советского правительства, во время которой были переданы письма Учителей, по мнению Росова, также подтверждает, что планы Центрально-Азиатской экспедиции и особенно ее Тибетский маршрут были согласованы в Кремле. Автор «идеи» — все тот же О.Шишкин. В интерпретации Росова она звучит так: «По прибытию в Москву в 1926 году он (Рерих. — Авт.) обсуждал тибетские планы с Советским Правительством»⁷³. В 1992 году в четвертом выпуске «Рериховского вестника» Росов сам публиковал уже упоминающиеся выдержки из алтайского дневника Е.И.Рерих о том, какое мужество понадобилось для того, чтобы передать письма «самым страшным людям»⁷⁴. Тогда Росов, будучи главным составителем «Рериховского вестника» и директором Музея Н.К.Рериха в Изваре, в предисловии к «Алтайским записям Елены Рерих» писал: «Каждая публикация, связанная с именем Елены Ивановны Рерих, — это явление в истории российской культуры. Неизвестные рукописи и записки нашей

соотечественницы дают нам представление об исторических путях развития знаний, помогают отыскивать источники духовности, напитывающие мир водами учения Живой Этики». Теперь он пишет о Рерихах совсем по-другому и выводы делает противоположные: духовность отодвинута на второй план, и «самые страшные люди» представлены как деятельные организаторы экспедиции Н.К.Рериха, с которыми великий художник обсуждает планы своего путешествия.

Наконец, заключительный аккорд. Вслед за Шишкиным, Минутко и другими «интеллектуальными мародерами» Росов пытается доказать, что Рерих сотрудничал непосредственно с ОГПУ.

Для обоснования версии «агентурной» деятельности Н.К.Рериха Росов использует дневники Зинаиды Лихтман: «Но самая замечательная встреча произошла в ГПУ, где были произнесены имена Майтрейи и Шамбалы и куда прошли с именем М. Предложения о сотрудничестве приняты с энтузиазмом. Несколько раз встречались с теми, в чьих руках находится власть»⁷⁵.

Восторженный тон записей Зинаиды Григорьевны легко объясним — она находилась под сильным впечатлением от сопричастности к великому духовному преобразованию, к которому как ученица была недавно привлечена Рерихами. Зинаида Григорьевна воспринимала все в возвышенных тонах, идеализируя обычные явления. То, что Росов использует интимную простоту дневниковых записей Зинаиды Григорьевны в своих корыстных целях, сравнимо с особой, инквизиторской жестокостью по отношению к «предмету исследования».

Опубликованные в 1998 году выдержки из этого дневника⁷⁶ показали, что записи З.Г.Фосдик, сделанные якобы со слов Рерихов, во многом не соответствуют мнению самих Рерихов по тем же вопросам. Это и высказывания о некоторых деятелях русской культуры, противоречащие страницам «Листов дневника» Н.К.Рериха, и сведения, касающиеся таких сокровенных вопросов, как, например, индивидуальность Жанны д'Арк, противоречащие дневниковым записям Е.И.Рерих. Очевидную неточность в передаче мыслей самих Рерихов можно объяснить тем, что дневниковые записи Зинаида Григорьевна делала, как правило, в конце дня. Записывая вечером или поздней ночью события, происшедшие за день, и услышанные в течение дня беседы с Рерихами, она в нескольких строках пыталась передать очень объемное и глубокое содержание — вернее, те моменты, которые отложились в ее сознании. При всем уважении к З.Г.Фосдик, надо отметить, что она далеко не всегда вмещала широту и космичность идей Рерихов, о чем и писала в своем дневнике: «...когда Пор[ума]⁷⁷ сказала, что мы многое не понимали из указанных нам вещей и действий и все же выполняли их, ибо делали для Иерархии, я моментально сказала, что она в этом права, ибо часто мы много лет не знаем, почему понадобился такой Указ и выполнение его, а потом, гораздо позже, начинаем понимать все»⁷⁸.

Манипулируя выдержками из этих дневников и используя «шпионскую» терминологию, Росов пытается добиться нужного результата. «Рекомендацию

для встречи в ОГПУ, которое у Рерихов проходило под кодовым названием “Госстрах” (при этом опускается источник, по которому делается такая смелая расшифровка. — *Авт.*), дал Глава Наркоминдела Чичерин»⁷⁹. «Первый визит туда “без сомнения и страха” Николай Константинович нанес вместе с Юрием. Таким образом, установились дружеские отношения с заместителем председателя ОГПУ Михаилом Абрамовичем Трилиссером»⁸⁰. Далее, по версии Росова: «Контакты с Госстрахом (? — *Авт.*) приняли на себя Лихтманы»⁸¹ и «вскоре встречи в ОГПУ стали регулярными»⁸². Не забыл Росов упомянуть и одного из главных действующих лиц книги О Шишкина «Битва за Гималаи» — Г.И.Бокия, начальника спецотдела ОГПУ: «Через два дня Михаил Абрамович (Трилиссер. — *Авт.*) познакомил Лихтманов со своим “близким другом” Глебом Ивановичем Бокием»⁸³.

Искусно обыгрывая тему контактов с ОГПУ, Росов не мог не знать, что это ведомство (как и впоследствии НКВД и КГБ) держало в своих руках многие вопросы, в том числе и разрешение на въезд и выезд зарубежных граждан в страну; на осуществление любых проектов зарубежных фирм на ее территории, на перемещение иностранцев по СССР. Рерихи и Лихтманы просто не могли миновать ОГПУ при решении вопросов, связанных с экспедицией. А участие руководителя иностранного (разведывательного) отдела ОГПУ М.А.Трилиссера во встрече с К.Н.Рябининым и с супругами Лихтман объясняется его вполне понятным интересом к экспедиции Рериха.

В свое время Шишкин оклеветал Рериха, не имея представления ни о масштабах, ни о значении его личности, — в меру своего сознания он выполнял заказ и не скрывает этого. В случае с Росовым все обстоит иначе. Человек, который не так давно проникновенно рассуждал об источниках духовности и Живой Этике, сегодня сознательно реанимирует ложь о Н.К.Рерихе. Он не заблуждается, не ошибается. Он — предает. И чтобы окончательный шаг за черту предательства не выглядел столь явным, В.А.Росов, снисходительный к слабости рода человеческого, определяет Рериху в коллеги по «агентурной деятельности» Пржевальского и Козлова: «В начале прошлого века было естественным служить на пользу отечеству любым доступным способом. Путешественники Козлов и Пржевальский выполнили задание Генерального штаба и занимались разведкой. Сотрудничество Рериха с ОГПУ — это та же часть его метода, добиваясь главного, принимать все ради всего»⁸⁴.

Ключевая фраза сказана. Росов поставил все точки над «и» в своей «исследовательской» позиции.

На пути Рерихов в Советскую Россию Учителем было сказано: «Надо теперь готовиться к России, где нужно применить высшую меру формулы — Господом твоим. Только “да” на все нелепости, лишь постепенно вложите свое содержание»⁸⁵. Из этих строк следует, что Н.К.Рерих не «сотрудничал с ОГПУ», он в конкретных исторических условиях работал во имя Пославшего его и пытался использовать все обстоятельства для наиболее успешного выполнения Указа.

В сборнике «Защитим имя и наследие Рерихов» автором статьи «Клевещите, клеvещите, что-нибудь да останется»⁸⁶ на основании анализа архивных документов, в том числе и службы внешней разведки, делается вполне обоснованное заключение о том, что руководство советской разведки могло вынашивать планы использовать экспедицию в своих целях. Для осуществления таких планов и был послан в Монголию Я.Блюмкин. Этим объясняется наличие в иностранном отделе ОГПУ (ныне Служба внешней разведки) документов, отражающих всевозможную информацию о Рерихах, которую смогли добыть оперативные сотрудники (в том числе результаты наблюдения, слежки в Монголии, доносы, которые говорят об организации провокаций против Рерихов, перехваченная переписка и другие материалы, свидетельствующие, что советская разведка всерьез интересовалась Рерихами). Но, как известно, из этого ничего не получилось. Рерихи вышли победителями из тайной войны, которую против них вела советская разведка во второй половине 20-х и в начале 30-х годов прошлого века.

В 1993 году документы, которые хранились в архивах службы внешней разведки, были рассекречены и решением руководства СВР переданы Международному Центру Рерихов. На телевидении и в газетах Ю.Кабаладзе, тогда руководитель пресс-бюро СВР России, однозначно заявил, что Рерихи никоим образом не были связаны с деятельностью советской разведки. Сам факт, что документы рассекречены и переданы в МЦР, — убедительное тому подтверждение (согласно закону о внешней разведке России, сведения о лицах, которые сотрудничали с органами, не подлежат рассекречиванию и хранятся в архиве СВР бессрочно). Международный Центр Рерихов располагает и другими документами, свидетельствующими, что Рерихи **никогда не сотрудничали с ОГПУ**. Неоднократно проводились открытые пресс-конференции, на которых это было доказано. Центр-Музей выиграл суд по защите чести и достоинства Рерихов против клеветника О.Шишкина и газеты «Сегодня». В 2001 году на Международной общественно-научной конференции в МЦР, посвященной защите имени и наследия Рерихов, вновь были представлены все документы. И Росов не мог об этом не знать.

Так что же движет пером В.А.Росова? Весьма своеобразный научный интерес, погоня за сенсацией, необъяснимая неприязнь к Н.К.Рериху (которая сквозит буквально во всех высказываниях о мыслителе и художнике), или за его спиной стоит тот же заказчик, который почти десять лет назад принес О. Шишкину необходимые материалы и «попросил» написать статью соответствующего содержания? Шишкин на презентации своих писаний не постеснялся признаться в этом. В.А.Росов продолжает утверждать, что ради доброго имени Н.К.Рериха готов пожертвовать жизнью. Но на деле подвергает доброе имя Н.К.Рериха умалению и очернительству.

По поводу таких «сереньких союзников» Николай Константинович писал в статье «Самоотвержение зла»: «Может быть, иногда сам лгущий и не верит в существование своем клевете, ее очевидной неправдоподобности, но какой-то трудно выразимый словами процесс заставляет его катиться по наклонной плоскости.

<...> Ведь если для кого-то неясны нормы добра, то по крайней мере, хотя бы чистоплотность ознакомления с фактами должна быть примитивным условием человекообразия»⁸⁷.

В книге «Николай Рерих: Вестник Звенигорода», как и в других произведениях, В.А.Росову не удалось написать портрет Николая Константиновича. Зато без полутонов выявился облик самого автора. Автопортрет, к сожалению, получился неприглядный.

* * *

Биография всех членов семьи Рерихов, обладавших поистине космическим сознанием, остается предметом исследования, принадлежащим не к категориям политики, а к категориям высокой духовности и Культуры. По мере понимания этого растет осознание ответственности исследователя. Об этом как нельзя лучше сказал П.Ф. Беликов: «...когда мне было лет тридцать, я думал, что я могу много сказать о Рерихе, и стремился к этому. Жизнь сложилась так, что вышел я на профессиональную арену с чувством, что теперь-то я могу сказать о Рерихе так, как надо, когда был на исходе пятый десяток лет. А теперь, когда мне на исходе шестой десяток, я гадаю — сумею ли я до конца жизни вообще сказать о Рерихе то, что нужно, и так, как нужно...»⁸⁸.

¹ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. СПб., 2002. С. 14.

² Рерих Н.К. Письмо З.Г. Лихтман. 03.03.1936. Отдел рукописей МЦР. № 2505. Л. 94.

³ См.: Шапошникова Л.В. Предатели // Культура и время. № 3, 2002.

⁴ См.: Книжник Т.О. Откровение от «Сферы» // Культура и время. № 3, 2002.

⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 20—21.

⁶ Беликов П.Ф. Письмо С.Н. Рериху от 14.02.1969. Архив П.Ф. Беликова.

⁷ Беликов П.Ф. Письмо С.Н. Рериху от 12.06.1972. Архив П.Ф. Беликова.

⁸ Шапошникова Л.В. XX век. У порога Нового Мира // Культура и время. № 1—2, 2001. С. 12.

⁹ Беликов П.Ф. Письмо С.Н. Рериху от 12 июня 1972 г. Архив П.Ф. Беликова.

¹⁰ Малинов А., Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 181.

¹¹ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М., 1999. С. 79, 81.

¹² Там же. С. 41.

¹³ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. СПб., 2002. С. 218.

¹⁴ Росов В.А. Маньчжурская экспедиция Н.К. Рериха: в поисках «Новой Страны» // Ариаварта. № 3, 1999. С. 45.

¹⁵ *Лавренова О.А.* «В поисках Новой Страны». В кн.: Защитим имя и наследие Рерихов. М., 2001. С. 602.

¹⁶ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 158.

¹⁷ *Рерих Е.И.* Дневник. Отдел рукописей МЦР. № 10236. Запись от 15 ноября 1924 г.

¹⁸ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 173.

¹⁹ *Рерих Н.К., Рерих Ю.Н.* Переписка с Министерством с/х США. Отдел рукописей МЦР. № 10529. Письмо от 28 августа 1935 г. Л. 50.

²⁰ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 12.

²¹ *Рерих Е.И.* Письма Н.К. Рериху. Отдел рукописей МЦР. № 1113. Письмо от 18.02.35. Л. 101.

²² Там же. Выписка из газеты «Возрождение» от 16 марта 1935 г. Л. 102.

²³ *Росов В.А.* Неудавшееся попечительство. Об истории взаимоотношений Института «Урусвати» и Института им. Н.П. Кондакова в Праге // Семинариум Кондаковианум. СПб., 1999. С. 11—58.

²⁴ *Рерих Е.И.* Письма. Кишинев, 1995. С. 96. С. 20—21.

²⁵ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 20.

²⁶ Там же. С. 27.

²⁷ Там же. С. 191.

²⁸ *Рерих Е.И.* Письма в Америку. М., 1996. Т. 1. С. 130.

²⁹ Там же. С. 135—136.

³⁰ *Рерих Е.И.* Письма. Кишинев, 1995. С. 54.

³¹ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 136.

³² Там же. С. 25.

³³ Там же. С. 35.

³⁴ Там же. С. 81.

³⁵ Там же. С. 90.

³⁶ *Фосдик З.Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922—1934). М., 1998. С. 654.

³⁷ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 116.

³⁸ Там же. С. 117—118.

³⁹ *Рерих Е.И.* Дневник. Отдел рукописей МЦР. № 10237. Запись от 18 июля 1926 г.

⁴⁰ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 52.

⁴¹ Там же. С. 162.

⁴² Там же. С. 184.

⁴³ *Грамматчиков В.Н.* О Н.К. [Рерихе]. Отдел рукописей МЦР. № 3398. Л. 10—11.

⁴⁴ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 83.

⁴⁵ Там же. С. 84.

⁴⁶ Там же. С. 95.

⁴⁷ Там же. С. 123.

⁴⁸ *Рерих Н.К.* Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М., 1999. С. 201, 202.

⁴⁹ Там же. С. 143.

⁵⁰ *Росов В.А.* Маньчжурская экспедиция Н.К.Рериха: в поисках «Новой Страны» // *Ариаварта.* № 3, 1999. С. 17.

⁵¹ *Шишкин О.* Н.К. Рерих. Мощь пещер (1) // *Сегодня.* 1994, 10 дек.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 111.

⁵⁵ Там же. С. 126.

⁵⁶ *Шишкин О.* Н.К. Рерих. Мощь пещер (2) // *Сегодня.* 1994, 17 дек.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 10.

⁵⁹ *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. Рига, 1992. С. 305.

⁶⁰ *Рябинин К.Н.* Развенчанный Тибет. Самара, 1996. С. 118.

⁶¹ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 165.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 10.

⁶⁴ По мнению известного биографа семьи Рерихов П.Ф. Беликова, в Центрально-Азиатской экспедиции «Портнягин полного доверия Рерихов не заслужил. Похоже, что он был как-то наслышан о “Шамбале” и надеялся не более не менее, как проникнуть с помощью Н.К. в Ашрамы. Получив отпор, он уже в экспедиции повел себя недружелюбно» (*Беликов П.Ф.* Письмо Л.В.Шапошниковой от 13.12.73. Архив Л.В.Шапошниковой). Именно поэтому в свое время П.К.Портнягина чрезвычайно возмутила статья Л.В.Шапошниковой в журнале «Вокруг Света» № 10—11, 1973, посвященная экспедиции, в которой он принимал непосредственное участие. В своем письме журналисту Л.Минцу Портнягин осмелился утверждать, что «никакой самостоятельной “Центрально-Азиатской экспедиции Н.К.Рериха” не было: путешествие от Улан-Батора до Тибета и Индии было лишь заключительным этапом большого паломничества, если не “по святым местам”, то по древнему пути первых проповедников буддизма в этих местах — посланцев царя Ашоки: из Ладака (в Индии) через перевал Каракорум к северу, вдоль китайско-советской границы до Алтая, затем — на Восток, в Бурятию и Монголию, а оттуда — в Тибет и Индию. Эта “миссия” имела специальное поручение от Махатм Востока правителю Тибета Далай-ламе, а попутно Н.К.Рерих отвез письмо политического содержания в Москву, адресованное Махатмами Советскому Правительству» (*Портнягин П.К.* Письмо Л.Минцу от 15.04.74. Архив Л.В.Шапошниковой). Как видим, слово «миссия» здесь произнесено совсем в ином ключе, но с тем же намерением — принизить научное значение Центрально-Азиатской экспедиции и опорочить Н.К.Рериха. О том, является ли содержание письма Махатм Советскому правительству «политическим», теперь можно судить непосредственно из самого письма — оно не раз было опубликовано.

Что касается личности самого П.К.Портнягина, то весьма показательна краткая биография, составленная его братом, Г.К.Портнягиным: «Год рождения — 1.1.1903 во Владивостоке. Закончил гимназию — 1921 г. Поступил в

Политехнический Институт во Владивостоке в 1922 г. и оттуда был призван в ряды Красной Армии. В качестве военнослужащего был направлен в Улан-Батор (тогда г. Урга, МНР) — 1923 г. В 1924 г. он оказывается в г. Харбине (в качестве кого он туда поехал, не знаю). Через Тяньцзинь переехал в Улан-Батор и пробыл там до отъезда с экспедицией Н.К. в Гималаи. В конце экспедиции пытался остаться в Гималаях. Разрешение испрашивала Е.И. по его просьбе. Ему отказали. Затем он оказывается в Италии, где поступает в Колледж Руссикум (известная разведшкола, готовящая шпионов и диверсантов против социалистических стран). По окончании ее в качестве Прелата монастыря св. Урсулины пребывает в г. Модягоу (пригород Харбина). В декабре 1948 г. арестовывается и высылается в СССР по обвинению в агитации против Советской власти. Отбывает в лагерях 8 лет. Освобожден в 1956 году, но пребывание в крупных (режимных) городах не разрешено. Поселился в г. Самарканде. Вот Вам лицо этого “борца за правду”...» (*Портнягин Г.К. Письмо Л.В.Шапошниковой от 26.2.74. Архив Л.В.Шапошниковой*).

⁶⁵ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 185.

⁶⁶ Там же. С. 120.

⁶⁷ Там же. С. 67.

⁶⁸ Там же. С. 136.

⁶⁹ *Шапошникова Л.В.* Книга-предупреждение. В кн.: Учение Живой Этики. Община. М., 1994. С. 12.

⁷⁰ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 121.

⁷¹ Там же. С. 123.

⁷² Там же. С. 124.

⁷³ Там же. С. 187.

⁷⁴ Рериховский вестник. Вып. 4, 1992. С. 41—42.

⁷⁵ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 187.

⁷⁶ *Фосдик З.Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922—1934). М., 1998.

⁷⁷ Нетти Хорш, супруга Луиса Хорша.

⁷⁸ *Фосдик З.Г.* Дневник. 1934. Отдел рукописей МЦР. № 10202. Запись от 27.03.35. Л. 66.

⁷⁹ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 187.

⁸⁰ Там же. С. 187.

⁸¹ Там же. С. 187.

⁸² Там же. С. 192.

⁸³ Там же. С. 193.

⁸⁴ Там же. С. 194.

⁸⁵ *Рерих Е.И.* Дневник. Архив МЦР. № 10237. Запись от 27 марта 1926 г.

⁸⁶ *Стеценко А.В.* Клевещите, клеветите, что-нибудь да останется. В кн.: Защитим имя и наследие Рерихов. М., 2001.

⁸⁷ *Рерих Н.К.* Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М., 1999. С. 43.

⁸⁸ *Беликов П.Ф.* Письмо от 22.12.78. Архив П.Ф.Беликова.